

Речевая агрессия как форма проявления конфликтного сознания журналиста

Наталья МУРАВЬЕВА, директор Учебно-консультационного центра Союза издателей и распространителей печатной продукции

Давайте начнем с одного небольшого примера. Если вы помните, когда Юрий Венедиктович Казаков начал выступать, он использовал слово "диск'урс" - именно так, с ударением на последнем слоге. Я попыталась исправить это ударение - "д'искурс". Я это сделала осознанно, это была своего рода речевая провокация. Ответ последовал сразу же. Мне было сказано очень резко и очень громко - нет, "диск'урс".

За этим небольшим примером скрывается ситуация, которая, на мой взгляд, очень интересна, но о которой журналисты не задумываются. До сих пор мы говорили об агрессии к героям или к людям, которые вокруг нас существуют: богатые, бедные, гражданские и военные, и так далее. И о конфликтности в обществе, порождаемой этой агрессией. И мы говорили о том, как эта агрессия выражается в слове, в интонации. Обычно, когда говорят о речевой агрессивности, в первую очередь имеют в виду активность использования оценочных слов, в том числе и ненормативных. Конечно, речевая агрессивность проявляется в "экспансии" оценочности текста, в избытке оценок различных ситуаций, событий и предметов. Но здесь важно учитывать, что это проявление агрессии по отношению к реальному миру, к референту. Мы же в данном случае рассматриваем речевую агрессивность как явление контактного плана, и потому оно, это явление, представляется более сложным.

Речевая агрессивность проявляется не столько в предпочтении литературным, общепринятым языковым единицам языковых единиц, связанных с грубым, жестоким, силовым поведением (вульгарные слова, просторечие и уголовный жаргон), сколько в навязывании со стороны говорящего своего речевого (и шире - коммуникативного) поведения, в отказе от диалогичности, в неумении "слушать" собеседника. Речевая агрессивность в текстах СМИ может состоять, к примеру, в нежелании (или неумении) журналиста создавать общее языковое пространство участников общения. Отсутствие такой общности аудитория может оценить как коммуникативную (контактную и речевую) агрессивность журналиста, как его попытку показать свое языковое (и даже информационное) превосходство. Журналист при этом как будто отстаивает собственные права в коммуникации. Об этом, в частности, говорят случаи употребления таких языковых единиц, которые почти наверняка незнакомы читателю.

"Где-то далеко, за кордоном, творит чудеса Роберт Уилсон, нарочитой статичностью и выразительностью жестов (трудновато жестам быть "статичными".- Н.М.) превращает затертую до дыр "Баттерфляй" в самую энигматическую итальянскую оперу" ("НГ", 1996, 21 февр.).

"Но не больно-то пока это получается в стране, которая никак не разочтет свои депансы" ("Сегодня", 1996, 14 марта).

Сомнительно, что широкой аудитории известно, что энигматический значит "загадочный", а депансы - это "издержки, расходы". В подобных ситуациях читатель или должен признаться в своем незнании (что психологически достаточно сложно), или попытаться хотя бы приблизительно понять журналиста.

Еще одно проявление речевой агрессивности журналиста - его увлечение собственным "я". Часто непонимание коммуникативных особенностей диалогического текста, попытки напрямую соотнести диалогичность с какими-то языковыми формами приводят к отходу от стратегии двустороннего контакта, к перестройке на односторонний контакт, когда

главным для журналиста становится не контакт с читателем, а сам журналист:

"Летним утром в воскресенье я вышел на Невский проспект (живу рядом с Невским) купить сигарет, прогуляться. У входа в Екатерининский сад приметил прислоненный к скамейке необычного вида велосипед. ...При виде этого издали прикатившего велосипеда я сел на лавку, стал дожидаться его хозяина. Какая-то струна отозвалась, зазвучала в моей душе, прошелестел ветер дальних странствий. Были когда-то и мы рысаками...

Путешественник вскоре явился. ...Я пристроился следом за путешественником. ...Мы дошли до Садовой, на перекрестке остановились. Здесь он заметил, что я "сизу у него на колесе". Деваться мне было некуда. Я задал первый вопрос.

...Я представил себе его путь: забитое машинами Московское шоссе, сколько-то суток до Новгорода, а там до Москвы еще сколько-то. И каково пересечь столицу-матушку на велосипеде несведущему провинциалу... Я на машине ездил в Москву, и то оставлял ее сразу при въезде, пересаживался в метро... До конечного пункта, который назначил себе путешественник, до Кушки... Нет, дотуда меня не доносило даже воображение" ("Аврора", 1984, № 8).

Излишнее внимание к собственному "я", одна-единственная оценка описываемой ситуации неизбежно создают психологический барьер между журналистом и читателем. Речевая агрессивность проявляется тогда, когда мы видим активного журналиста, когда он очень много - и не к месту - говорит о себе. В текстах печатных СМИ такого, наверное, пока немного. А на телевидении и радио - сколько угодно. Вот журналист открывает рот и начинает рассказывать о себе, сначала кое-что, слегка, немножко, а за этим уже забывается и тема. А это навязывание определенного способа контактного поведения. Кстати, сигналом речевой агрессивности может стать, как это ни парадоксально, даже местоимение "ты". "Ты" журналиста в общении со своими собеседниками (прежде всего в радио- и телевизионных программах) не всегда есть знак близости. Иногда это "видимая, внешняя, кажущаяся близость" при уверенности в том, что действует негласный договор непреодоления дистанции. Поэтому такое "ты" может восприниматься аудиторией как проявление речевой агрессивности.

Речевая агрессивность (или речевой эгоизм), как мне кажется, - это лишь одна сторона единого мотива контактной уникальности, который проявляется сегодня в нашем речевом поведении (и не только в СМИ). Суть мотива контактной уникальности - "я хочу быть личностью в ситуации контакта". Сегодня, когда мы отказываемся от господства директивного общения, официоза и ритуальности во всех публичных контактах, этот мотив является, безусловно, благом. Но только в том случае, если он проявляется как речевая персональность. Мы все более становимся общественными людьми, без сомнений принимающими предложения контакта не только в личной, но и в публичной сфере (может быть, за это умение мы расплачиваемся утратой навыков личного общения, в том числе и письменного, о чем свидетельствует умирание жанра личного письма). Конечно, этикетные формы не отброшены, но динамика такова: правила этикета становятся все более мягкими и подвижными.

Однако контактная уникальность может обернуться речевой агрессивностью, которая может приводить к конфликту между журналистом и его аудиторией. Причем здесь мы оказываемся с вами в очень опасной зоне, прежде всего потому, что это невозможно или почти невозможно контролировать. То есть, я могу прочитать текст и могу оценить его с точки зрения объектов, которые я там описываю, могу оценить свою позицию по отношению к этим объектам. Но я очень сомневаюсь, что можно каким-то образом контролировать речевое поведение в момент речи. И здесь возникает вопрос - а кто будет вот этой самой толерантностью или уменьшением конфликтности заниматься?

Кто имеет здесь большую ответственность? Журналисты часто говорят: вы знаете, мы ведь отражаем только то, что вокруг нас происходит, вокруг нас так люди говорят, и мы вслед за ними так и говорим.

Но вот представьте: вы идете по улице, а у вас бумажка от конфетки, и вы видите, что вся улица, извините, загажена. Что вы делаете с этой бумажкой: вы ее бросаете или все-таки кладете в карман? Это удивительно, но большинство моих собеседников говорит - кладем в карман. Остается вопрос - а чьи же это бумажки вокруг нас валяются? На самом деле, моя профессиональная обязанность как журналиста состоит в том, что я могу и должна начинать с себя, я должна думать о том, как я говорю и как я выбираю слова и создаю ли я при этом конфликт между собой и читателем. Ведь очень опасно, что средства массовой информации воспитывают человека, который склонен к конфликтному речевому поведению. Потому что мы усваиваем способ поведения, в том числе и речевого. И если журналист так говорит, то читатель, испытывая некий пиетет перед средствами массовой информации (а этот пиетет все равно остается, несмотря на то, что доверие читателей к СМИ уменьшается), наверное, будет следовать за ним.

И последнее. Конфликтность - в том смысле, о котором я говорила, - порождается не только речевой агрессивностью, но и другими мотивами речевого и контактного поведения. Один из этих мотивов, связанный, кстати, со словом "дискурс", - это мотив речевой наивности. Сегодня журналисты стремятся сократить количество средств, которыми они пользуются, репертуар этих средств. Например, у нас до недавнего времени были избиратели, потом журналисты избирателей вычеркнули, и появился у нас электорат. А потом журналисты почему-то решили: хватит электората, теперь давайте вернемся к избирателям. Журналисты это делают на всех языковых уровнях, включая знаки препинания. Тем самым они в мое сознание закладывают мысль: не надо никакого разнообразия языковых средств. Это не так безобидно, как может показаться на первый взгляд.

Еще один мотив, который тоже очень интересен - речевая анархия. Журналисты не понимают смысла слов, которыми они пользуются, и это не диковинные, чужие, заимствованные слова. Бог с ними, как говорится, от них можно и отказаться. Они ведь не понимают слов, которые являются обычными словами. Скажем, студенты-журналисты объясняли слово толерантность следующим образом: "Толерантность - это терпимость". "А что такое терпимость?" - спросила я. Они сказали: "Это способность и готовность терпеть боль". Вот о чем и как будет писать такой журналист? И дальше представьте читателя, который все это читает. Он должен как-то осмысленно относиться к тому, что написано в газете. У него выхода нет, он должен сам "додумать" этот смысл. А что он придумает - неизвестно, и что он из этого извлечет - неизвестно. А самое главное, он научится так же пользоваться словами. Собственно говоря, это и приведет к конфликту. Потому что ясно, что если мы с вами по-разному понимаем, кто такой "толстосум", то вероятность конфликта при обсуждении этого явления очень велика.

Правда, на самом деле, реакции читателя на речевую анархию или речевую наивность могут быть разными. Например, читатели иногда соглашаются: ладно, пусть журналист говорит "преце(н)дент", но ведь он очень интересные вещи рассказывает. А я думаю, что этот читатель хитрит, потому что он, по сути, прощает журналиста. А ведь есть и другие ситуации, другая реакция: этого журналиста невозможно слушать, ведь он говорит "преце(н)дент". На самом деле средства массовой информации, выбирая слова и выстраивая определенные конструкции, мне кажется, формируют определенного человека. Человека, который будет в принципе конфликтным, которому будет очень сложно общаться. Это мой прогноз, может быть, он пессимистический, но это так. В заключение я хотела бы предостеречь от истолковывания обозначенной

выше проблематики как следствия низкой речевой культуры. На самом деле я не думаю, что это низкая речевая культура. Я думаю, что это связано именно с некими доминантами коммуникативного поведения журналиста. Например, что такое речевая анархия, все эти изменения значения слова? Это ведь на самом деле то, что есть профессиональная обязанность журналиста. Потому что журналист должен, на мой взгляд, найти максимально точное обозначение предмета. И в этом поиске возможно изменение значения слова, возможна трансформация. Это идет от низкой речевой культуры? Вовсе нет. Вот Анатолий Аграновский пишет: "...ресторанов при моем тощем кармане не получал". Здесь у меня не возникает с ним конфликта. Потому что это тот самый сдвиг, та самая свобода, которая оправдана смыслом текста. И, по сути, это освежение языкового знака, и замечательно, что это есть.

И что делать? Я думаю, все просто - надо работать над собой. Когда будущий журналист заявляет: "Норма - это то, как я говорю, а если вы хотите меня слушать, то вам придется эту норму признать", - то я ему говорю: "Ты в конечном счете получишь издание для самого себя; издавай, пожалуйста, тебе никто не мешает, ведь сейчас здесь нет проблемы; но если у тебя другие задачи и ты хочешь другой аудитории, то давай будем смотреть, на каком языке ты говоришь".